

ПУТЬ В ИСКУССТВО

Г а в х а р Р А Х И М О В А,

народная артистка Узбекской ССР

Андрейан Швабля
Г. Андрейан

14 ОКТ 1969

БЫЛ У НАС в Горькавской школе-интернате самодеятельный кружок. Руководил им Уста Алим Камиллов. С первых же дней он открыл для меня неведомый мир — мир искусства. Конечно, я и раньше любила слушать музыку и пение, но пробовать самой петь или играть мне даже не приходило в голову. Он, этот мир, был очень далек от меня. А Уста Алим сделал его близким и заманчивым. Он был так ярок для моего детского воображения, что я тапнула к нему, как танцует дети к красивой игрушке, еще не понимая ее сути.

Уста Алим был хранителем многих тайн народного искусства. Частенько же наследовал их от учителей, частью познал сам. Музыка, пение, танцы занимали все наше свободное от уроков и пионерских дел время, хотя его было не так уж много.

Я с сестрами посещала еще и русский платную школу. До нее семь километров. Каждый день мы вставали в шесть часов утра и никогда не опаздывали на первый урок. Главные у нас были учителя — Федор Порфирьевич Гончаров, Клавдия и Елизавета Овчинниковы. Мы видели в них гораздо больше, чем просто воспитателей. Они старались передать детям все, что знали сами, привить нам лучшие человеческие качества.

В русской школе, так же как и в интернате, у нас были самодеятельные кружки — хоровой, музыкальный. Узбекские пионерские песни тогда не было, поэтому те песни, которые мы разучивали в русской школе, пели и в интернате: «Наш паровоз вперед лети», «Взвейтесь кострами, синие ночи».

Помню стихи: «Пройдут лишь месяцы — сто тысяч паровозов заменит ленинский узорчатый билет. Это — 1924 год. Умер Ленин. В те недели самые лучшие представители рабочего классаступили в Коммунистическую партию по Ленинскому призыву. И в комсомол был объявлен Ленинский призвиз. Вот тогда я, тринадцатилетняя пионерка и пионервожатая, получила свой комсомольский билет.

Хочется рассказать о том, что значило в те годы быть на переднем крае, поведать о тех, кого я встречала, по ком равнялась в жизни.

Ферганский фронт. Был ведь такой фронт — Ферганский! Шла борьба с басмачами. Наши самодеятельные кружки выезжали на фронт с концертами для бойцов Красной Армии. Мы давали концерты для рабочих железной дороги, для сельской молодежи. Тогда и много лет спустя, в годы Отечественной войны, я увидела, как правильны берущие за сердце слова: «И песни, и стихи — это бомба и знамя. И голоса певца поднимают клас!».

Однажды мы, школьники, поехали на дразине в Акбарбад на концерт. Нас ждали там красивые бойцы. Но концерт не состоялся: мы приехали в кишлак с одной стороны, а с другой привезли на арбах замученных басмачами красноармейцев. Многие скончались еще по дороге, другие были в тяжелом состоянии. Мы стали участниками траурного митинга и похорон погибших героев. Поздно вечером отправились домой, и нашу дразину обстреляли басмачи. Им было все равно в кого стрелять — в детей ли, во взрослых...

Второй раз, помню, ахала я в Араван уже группой духового оркестра. Под его аккомпанежем я пела и танцевала. С нами был и Таджи-заде, секретарь райкома комсомола. Он исполнил злободневные куплеты. После концерта мы провели митинг, на котором выступил Таджи-заде с призывом посещать ликбезы. В самый разгар митинга налетели басмачи. Но бандиты вынуждены были спасаться бегством: против них выступили отряды бедноты и народной милиции.

Однажды на рассвете мы, несколько воспитанников интерната, возвратились в Горькавое. Пройдя через крытый рынок на станции, услышали в массом ряду стон. Было темно, и мы едва разглядели девушку, которую басмачи повесили на крюке для белья, ту. Тело ее было истерзано. Мы срочно сообщили об этом красноармейцам из бронепоезда, который стоял на станции. Бойцы перенесли девушку в мельницу, но она умерла, не придя к себе. Ее убил за то, что она посещала ликбез...

Мои сверстники не забудут 8 марта и особенно 1 мая 1927 года, когда во время демонстрации в центре столицы воинские части салютовали продавшим мимо трибун женщинам, сбросившим паранджи. Помню, «Превая Востока» рассказывала читателям об этом замечательном дне в передовой статье «Гордая поступь свободной узбечки».

К этому празднику мы готовились долго и тщательно. Всех старших девочек интерната, в том числе и меня, вызвали на совещание в райком партии. Женщины-докладчицы рассказывали нам, как проводить работу по расширению женщины, предупредили, что необходимо быть очень осторожными, бдительными и, конечно, настойчивыми. А в конце совещания выступил Хамза Хаким-заде. Это была моя первая встреча с ним.

Хамза отлично понимал, что «песня и стих — это бомба и знамя». Он был знаменем, его песни и стихи были подобны бомбе, брошенной в лагерь старого мира. Вот и в тот раз, выступая, Хамза призвал нас не просто агитировать, не просто уговаривать, а обязательно использовать свое умение петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах. Он rozdвал нам по книжечке со своими стихами, песнями.

Врагов у нас было много. Нередко приспосаблили несчастные случаи: либо с тем, кто сбросил паранджу и пошел против религии и шариата, либо с тем, кто агитировал за это. Поэтому наши парикомсомольцы охраняли и нас и женщин, открывших лица. И хотя не одна активистка поплатилась жизнью, на их место вставали сотни других.

Каким я вспоминаю своего учителя Уста Алина! Ух-

дождовое, рабов лицо с аккуратно подстриженной бородавкой. Стройная фигура так и пронизывает вас строгостью движений. Он был очень требователен, но мы никогда его не боялись. Напротив, мы любили его за душевную мягкость и добрые слова. Когда Уста начинал говорить, его мягкий говор, точнейшие интонации, поэтичная, красивая речь очаровывали. Его «школа» была для меня настоящим университетом.

Еще в интернате Уста начал учить нас танцу и музыке. У него было два чанга — один в интернате, другой в кишае. Когда кончались уроки, мы все собирались и ждали нашего учителя. Надо сказать, что своей аккуратностью, подчас даже педантичностью, он хорошо влиял на нас, заставлял быть дисциплинированными, внимательными, исполнительными.

Уста Алим открывал перед нами сокровища узбекской песни, музыки и танца. Он сам играл, сам пел, сам танцевал. Но когда ему казалось, что делает это он недостаточно убедительно, приглашал к нам кого-нибудь из мастеров уже известных в Ферганской долине.

Такие вечера и беседы были очень полезными. Уста учил нас понимать искусство, от него мы получили первые сведения о сцене, первые советы. Жизненный опыт и природный талант позволяли ему амещиваться в наши судьбы, от чего-то предостерегать, сдерживать неразумные порывы.

Мы были его большими детьми. Часто новояздом дом Уста, и он казался нам родным. Тесная дружба на долгие годы связала нас с его женой Бегим. Бегим и ее сестра Нурхон работали вместе с нами в театр. К несчастью, мы потеряли горькую утрату — потеряли Нурхон.

Вот как это случилось. Закончив гастроли в Ташкенте, летом 1929 года мы разъехались по домам. Побывав у мамы в Горькавое, я решила съездить в Маргилан к Нурхон. Приехала Бегим оказалась нездоровой и нкуда не выходила из дому.

Сидя на паласе, она заплетала волосы Нурхон. — Тета пригласила нас сегодня к себе в гости, — объяснила Бегим. Скоро должен заехать за нами Сали. Но у меня такая нестерпимая боль, что не могу даже двинуться с места. Поезжай-ка ты, Гавхар.

Мне хотелось поехать. Я сказала Бегим, что предупредила маму и нагону Нурхон с дороге. Пока мы обсуждали предстоящую поездку, явился брат Нурхон и Бегим-Сали. Я хорошо запомнила его — огромная голова, низкий лоб, маленькие мышиные глаза, стрелочкой из-под бровей, большой рот и торчащие в стороны уши.

Сема Нурхон совсем еще недавно с помощью Уста Алина избавилась от ненавистного ишана. Отец отдал ее в услужение старику, который был к тому же ее родственником. Уста Алим принял артистические способности Нурхон и исподволь стал готовить ее к

сцене. Вырвавшись из ада, она, словно птица, взлетела, расправив крылья. Театр обрел талантливого исполнителя.

В Самарканде Нурхон купила себе плиссированную юбку, белую шелковую блузку, красивую бархатную тобатеку бухарской работы и черные лаковые туфельки. Все это она надевала, собираясь в гости.

— Подружкам покажу, то-то-позавадут! — позавалилась она.

Я затворилась домой, чтобы отстрояться у мамы. Но она огорчила меня: «У нас у самих гости, останься дома!».

Пришлось остаться. Но на минуто и двух часов, как приехал Бабаризм. От волнения он не мог уговорить ни слова.

Наконец я поняла: случится несчастье, Сали уби в доме тетку свою сестру Нурхон.

Около дома уже собралась огромная толпа. Терзали, криши соседних домов, деревья — все было усыпано людьми. Мы вошли в дом. Посреди комнаты увидели Бегимхон. Она была без сознания. В глбине в луже крови в своем новом наряде лежала мртвая Нурхон.

Ждали властей и судебную экспертизу. Вскорте тело Нурхон увезли на вскрытие, а нам соседи рассказали подробности происшествия.

Тетка встретила Нурхон объятиями, расцелала пригласила в сад.

— Идите, васелитесь. Покажи им свои танцы девочки, которым тебе учили в городе.

И Нурхон танцевала, пела, делилась с подружками своими радостями. Неожиданно тетке охликнула:

— Нурхон, тебя зовет брат. Нурхон вернулась в дом. Через несколько минут послышались крики, призывы на помощь. Длши бросились в дом, но дверь оказалась закрытой. Позвали соседей. Однако было уже поздно.

Убийца явился в милицию и признался во вс. Он заявил, что сделал это по настоянию отца, кото не мог смириться с уходом дочери на сцену.

На следующий день на главной площади Мелана был траурный митинг. Гроб с телом Нурхон стояли на высокой трибуне. Тысячи жителей года и окрестных кишлаков пришли проститься с любимой артисткой. Многие были неграмотными, верунами, почитали бога, соблюдали законы шариата, тот случай потряс их. Площадь бурлила от негодования. Мужчины требовали выдачи убийц. Женщины с пятами сбрасывали паранджи у гроба Нурхон.

В том же 1929 году при нашем театре была ота небольшая студия. В ней Уста Алим и Терамуар решили ввести трагический урок узбекского ца. Уста вспоминал слышанные от старых мастеров не ритмические сочетания, на их основе создавал же, а Терамуар находила соответствующие этим ам танцевальные движения.

Так зарождалась школа узбекского танца. Среди Уста Алина была и я. Мне кажется, что мно жизнь учились у него. Знания Уста были неизданы, сколько бы он ни отдавал их, в нем оставалось неисчислимое богатство.

Об Уста Алиме пишут книги, творчество-его-и-ся. И не одно поколение еще будет обращаться примером и советом к нашему Уста. Он собирае по крупицам россыпи народного искусства это вечное.

[Окончание следует].